

ПИСЬМА НА ЗАМЕТКУ

ОТЦЫ

Составитель
Шон Ашер

Лев Толстой,
Артур Конан Дойл,
Мэри Шелли,
Уильям Вордсворт,
Анна Франк,
Че Гевара

Шон Ашер

Отцы. Письма на заметку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66711824

Отцы. Письма на заметку:

ISBN 978-5-907428-10-2

Аннотация

Евгений Леонов, Мэри Шелли, Лев Толстой, Мохандас Ганди, Анна Франк, Че Гевара и многие другие в своих письмах к самым близким людям делятся опытом, наставляют, переживают, спорят, упрекают и признаются в любви. Пронзительные и трогательные послания отцов и детей собраны в этом томе серии «Письма на заметку».

Составитель книги Шон Ашер – коллекционер и охотник за самыми интересными письмами со всего мира. Его сайт lettersofnote.com невероятно популярен: каждую неделю его посещает более 1,5 млн. человек, а среди фанатов числятся Стивен Фрай, Кейтлин Моран и Ник Хорнби.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Так-то вот	8
02	10
03	13
04	16
05	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шон Ашер

Отцы. Письма на заметку

© Shaun Usher, 2021

© Дмитрий Шепелев, перевод на русский язык, 2021

© Livebook Publishing, оформление, 2021

Письмо – это бомба замедленного действия, послание в бутылке, заклинание, крик о помощи, повествование, выражение беспокойства, щедрая пригоршня любви, способ установить связь через слова. Это своеобразное искусство – такое простое и восхитительно общедоступное – продолжает служить мощным средством общения и, невзирая ни на какие технические революции, письмо продолжает жить и, подобно литературе, будет жить вечно.

Предисловие

Одним холодным утром 2019 года наш младший сын шерудил во рту зубной щеткой и, взглянув на меня в зеркало, заявил с лаконичностью и категоричностью, довольно забавной для человека с молочными зубами:

– Папа... твои книжки дурацкие.

И вот, памятуя об этих словах поддержки, я частично посвящаю «Письма на заметку: Отцы» обоим моим возлюбленным чадам, без которых эта книга увидела бы свет заметно раньше, когда Шон Ашер был еще не тем человеком, какой он сейчас – он отличался от меня сегодняшнего более крепкими нервами и неумением видеть опасность в любом новом месте, отсутствием галлюцинаций из-за хронического недосыпа вследствие *шести лет* ночных вторжений в родительскую постель, а также досадным неумением ценить в полной мере ту степень свободы, что когда-то была мне доступна, и, самое главное, незнанием того чувства, когда твое сердце вдруг становится больше и добрее оттого, что держишь на руках своего синюшного первенца, отмечая, как сдвигаются твои приоритеты, освобождая место – впереди и по центру – для отцовства.

Другой человек, которому я посвящаю настоящий сборник писем, это мой папа, чудесный человек, наполнявший теплом с оттенком придурковатости не только детство *мое*

и моих родных, но и жизнь наших дорогих друзей. Человек, часто казавшийся нам старшим братом. Человек, работавший допоздна на благо семьи, но не терявший связи с нами. Человек, чье величайшее напутствие своим детям – он то и дело повторял его, но, к моему неизбывному сожалению, ни разу не доверил бумаге – звучало так: «Не разговаривайте с незнакомцами, пока не узнаете их, и не берите телефон, пока не зазвонит». Поистине, мудрые слова. Скажу без преувеличения, что в отношении родителей я сорвал джекпот, и мой папа всегда будет примером для меня. Я могу лишь надеяться, что мои дети, когда придет их черед стать родителями, испытают хотя бы слабый отблеск этого чувства.

В апреле 2010 года мы с женой робко вышли из родильного отделения с нашим первенцем. Полгода спустя, охваченные смятением иного рода, мы с нашим полугодовалым малышом оказались в другой больнице, чтобы навестить бледную тень моего отца, пережившего инсульт, последствия которого до сих пор напоминают о себе. Никогда мне не было так тяжело, как в те тревожные часы, дни, недели и месяцы, когда отец восстанавливался, и только теперь, почти десятилетие спустя, я начинаю сознавать, как сильно переживал о том, что могу потерять его и мой сын так и не узнает, какой у меня замечательный папа. К счастью, сейчас, в 2019 году, он все еще с нами, и его «хорошая» рука обычно либо месит тесто, либо взлетает к горлу, когда он хохочет, как ненормальный, – это говорит нам, что не стоит опасаться за его здоро-

вье в обозримом будущем, и доказывает, что удар не лишил его жизнелюбия.

Сборник «Письма на заметку: Отцы» – это более тридцати писем, раскрывающих взаимоотношения между отцом и ребенком во всей их сложности и разнообразии. Письма с бесценными отцовскими напутствиями от Теда Хьюза и Махатмы Ганди перемежаются недовольными письмами детей к своим отцам, есть среди таких писем и сыновняя жалоба из Египта начала нашей эры, ничуть не утратившая своей актуальности. Еще в одном письме бывший раб сообщает своей бывшей владелице, что намерен прийти с подмогой за своими дочерьми. В этих письмах нашлось место юмору и грусти, надежде и страху, гордости и досаде. Такая эмоциональная палитра в полной мере передает опыт отцовства.

Шон Ашер

2020

Письма приводятся с максимально бережным сохранением авторской пунктуации, а местами и орфографии.

Так-то вот

01

В 1897 году в египетском городе Оксиринхе было найдено примечательное письмо, написанное на папирусе множество веков назад, однако ничуть не утратившее актуальности. Автором письма был подросток по имени Теон, обращавшийся со всем присущим его возрасту максимализмом к своему отцу, Теону-старшему. Думается, он бы неслабо удивился, узнав, что письма подобного рода никогда не выйдут из моды. Данное послание находится теперь в коллекции Бодлианской библиотеки в Оксфорде.

Теон – Теону

Ок. 250 г. н. э.

Теон своему отцу, Теону, с приветствием.

Хорошо же ты обошелся со мной, не взяв с собой в город. Если не возьмешь в Александрию, я не буду писать тебе, не буду с тобой говорить и желать здоровья. Если уедешь в Александрию, не подам тебе руки и «здравствуй» не скажу. Если не возьмешь меня, так и знай. Мать сказала Архелаю, что от такого обращения я стану изгоем. Признателен за большие подарки (и одежду?), что ты прислал 12-го, когда отплыл. Прошу прислать мне лиру. Если не пришьлешь, не буду ни есть,

ни пить. Так-то вот. Молюсь о твоём здоровье.

17 Туби.

Доставить Теону от Теона, его сына.

Я любил этого мальчика

1812 год стал самым мрачным в жизни Уильяма Вордсворта, английского поэта-романтика, создавшего множество нестареющих шедевров, включая «Я блуждал одиноким, как облако» и посмертно опубликованную автобиографическую поэму под названием «Прелюдия». В июне его трехлетняя дочь Кэтрин умерла из-за судорог; а 1 декабря скончался его шестилетний сын Томас, из-за кори и пневмонии. 2 декабря, похоронив сына рядом с дочерью, под деревом в Озерном краю, Уильям Вордсворт написал своему другу и поэту Роберту Саути.

Уильям Вордсворт – Роберту Саути

2 декабря 1812 г.

2 декабря, 1812 Среда, вечер

Дорогой мой друг,

симптомы кори возникли у моего сына Томаса в прошлый четверг; до вторника он держался самым благополучным образом, особенно был весел и доволен между десятью и одиннадцатью часами; без всякой видимой причины случилась внезапная перемена, воспаление перешло на легкие и никак не спадало, и к шести вечера милая Невинная душа его отлетела к Богу. Не думаю, чтобы он сильно страдал телом, но, боюсь,

мог страдать душевно, так как много думал о смерти, к каковому предмету ум его что ни день обращала могила сестры.

Жена моя переносит потерю ребенка с поразительной стойкостью. О себе, дорогой Саути, я не смею сказать, в каком я состоянии ума; я любил этого мальчика величайшей любовью, на какую способна моя душа, и его забрали у меня – и все же в агонии моего духа по утрате такого сокровища я себя чувствую тысячекратно богаче, чем если бы никогда не владел им. Да утешит и избавит тебя Бог, и всех наших друзей, и всех нас от повторения таких испытаний – о Саути, пожалей меня! Если тебя не пугают жалобы, я бы попросил тебя приехать к нам! Вечная любовь от всех – ты передашь эту печальную новость своей Жене и миссис Кольридж, миссис Лавел, миссис Баркер и миссис Уилсон. Бедная женщина! Она была так добра к нему – да вознаградят ее Небеса.

Небеса благословят вас.

Твой искренний друг

У. Вордсворт

Я просидела с ним несколько ночей

Мать Мэри Шелли, британская писательница и одна из первых феминисток, Мэри Уолстонкрафт, родила ее в 1797 году и через одиннадцать дней умерла из-за инфекции, занесенной при родах. Таким образом, Мэри Шелли воспитывал ее овдовевший отец, Уильям Годвин, прославленный романист и политический философ эпохи Просвещения. Видя незаурядный ум дочери, он всячески поощрял ее к писательскому призванию, и не зря. В 1818 году был анонимно издан первый роман Мэри Шелли, «Франкенштейн», получивший широчайший резонанс и ставший классикой; тремя годами позже он был переиздан с указанием имени автора. В 1836 году восьмидесятилетний Уильям Годвин скончался. Две недели спустя Мэри Шелли рассказала о его смерти в нижеследующем письме Мэри Хейс, знакомой романистке и феминистке, с давних пор дружившей с обоими родителями Мэри Шелли.

*Мэри Уолстонкрафт Шелли – Мэри Хейс
20 апреля 1836 г.*

*14 Норт Бэнк,
Риджентс-парк,*

Лондон

Дорогая мадам.

Несколько месяцев прожила наподобие инвалида – крайняя вялость и тревога, навалившиеся на меня, пока я ходила за дражайшим моим отцом в последние моменты, слишком ослабили меня, чтобы заниматься каким-либо делом. По завещанию отца его бумаги пройдут через мои руки, & ваша совершенно разумная просьба будет уважена. Нет ничего более гнусного и жестокого, чем обнародовать письма, предназначавшиеся лишь для пары глаз. Я не имею представления, найдутся ли среди бумаг отца и ваши письма – если я найду что-либо, верну вам. – Но здоровье мое таково, что не могу обещать, когда смогу одолеть вялость и просмотреть бумаги.

Вы будете рады услышать, что тот, кого когда-то вы знали столь хорошо, умер почти без мучений – недуг его был герпетической лихорадкой, бороться с каковой ему не дал преклонный возраст – он был болен порядка 10 & прикован к постели 5 дней – я просидела с ним несколько ночей – & миссис Годвин была с ним, когда я отходила – поскольку он ужасно боялся остаться со слугами. Мысли его пребывали в смятении, но он не мучился – он понимал, что опасно болен, но не считал выздоровление невозможным. Последний его миг настал совершенно внезапно – мы с миссис Годвин были обе при нем. Он мирно дремал, и вдруг мы услышали легкий хрип и подошли к нему, сердце его перестало биться, & все было кончено. Это случилось

чуть позже 7, числа 7 сего мес.

Дорогой мой отец указал в завещании, что желает покоиться как можно ближе к моей матери. Соответственно, гробница ее на кладбище при церкви Св. Панкратия была вскрыта – гроб ее на глубине двенадцати футов оказался нетронутым – саван по-прежнему покрывал его – & плита потускнела, но читалась. Похороны прошли скромно, пришли лишь несколько друзей – Могло бы быть гораздо больше, но церемония была частной, и мы ограничились числом. Среди плакальщиков был мой сын, которому уже шестнадцать.

Я описала эти подробности, зная, что они не будут вам безразличны. – Я признательна вам за ваше доброе участие – ваше имя мне, разумеется, знакомо как имя одной из женщин, чьи таланты делают честь нашему полу – и как друга моих родителей – я имею честь, дорогая мадам, быть

искренне вашей

Мэри Шелли

Мои дети тока мои

В феврале 1864 года чернокожий раб из Глазго, штат Миссури, по имени Спотсвуд Райс, управлявший табачной фермой своей хозяйки, сбежал и завербовался в 67-й цветной пехотинский полк Соединенных Штатов в Сент-Луисе. Через несколько месяцев, восстановившись после приступа хронического ревматизма в военном госпитале Бентон-барракс, Райс написал два письма – одно своим дочерям, Мэри и Корре, все еще находившимся в рабстве, а другое их владелице, Кэтрин Диггс – и в обоих письмах ясно выразил намерение вызволить своих детей из рабства, призвав на помощь сотни однополчан. Однако оба письма перехватил брат мисс Диггс, работавший местным почтмейстером, и переслал их командованию армии Соединенных Штатов в Миссури. В следующем году Спотсвуд Райс воссоединился со своей семьей, но нам неизвестно, имела ли место стычка с мисс Диггс.

*Спотсвуд Райс своим дочерям и Кэтрин Диггс
3 сентября 1864 г.*

*[Госпиталь Бентон-барракс, Ст. – Луис, Мо.
3 сентября 1864 года]*

Дети мои я биру в руку мою ручку писать вам

Несколько строк чтобы вы знали что я вас не забыл и что хочу вас видеть сильнее чем кагдалиба так вот дорогие Дети Мои я хочу чтобы вы были довольны сваей долей какая она не есть будьте уверины что я вас забираю даже ценой жизни 28го числа сиво месеца. 8 сотин Белых и 8 сотин черных солдат сабираюца начать пахот на Глазго а сверх таво енаралить будит енарал каторый адаст мне вас абеих када они Придут я ажидаю быть сним, ними и ажидаю палучить вас абеих назад. Не пичальтесь дети мои я ажидаю палучить вас. Если Дигтс не адаст вас адаст это Правительство и я уверин что я вас палучу Ваша Мисс Кейтти сказала что я пытался выкрасть вас Но я дам ей знать что бог никада не замышлял человеку красть сваю плоть и кровь. Када бы я не имел веры в Бога я мог иметь веру в ние Но так как есть Если и была у меня какая Вера в ние то теперь нет и никада наверна не будит И я хочу чтобы она помнила если она мне встретица с десятью тысячами солдат она встретит сваиво врага Я кадата [думал] что у меня к ним было уважение но теперь кончилась мое уважение и нет симпатии к Рабавладельцам. А что до ее кристианнства я палагаю у Дявола в аду Такое Вы ей скажите атминя что Она первая Христианка аткакой я кагдалиба слышал что человек может Украсть свае радное дитя асобино испод бремени страстей человеческих

Можете сказать ей что Она может держать вас скока сможет я никада не сабираюсь просить ее снова пазволить вам уйти самной патамушта знаю что дьявол

ее вавсю настрапалил против таво таво что правильна так что Дорогие дети мои я сабираюсь запечатывать письмо вам Передавайте мою любовь всем друзьям кто спросит скажите им всем что мы в порядке и очинь хатим их видеть а вас Корра и Мэри я хачу видеть несравненна больше и не сирчайте на нас что мы ничиво вам не шлем я вам отец припас для вас слихвой как увижу вас Спотт да Ной шлют сваю любовь вам абеим О! Дорогие Мои дети как же я хочу вас видеть

Спотсвуд Райс

* * *

*[Госпиталь Бентон-барракс, Ст. – Луис, Мо.
3 сентября 1864 года]*

Я палучил письмо от Каралины передавши мне что вы сказали что я пытался выкрасть пахитить мое дите от вас таквот я хочу чтобы вы понили что мэри мое Дите и она мне Богом данная паправу и вы можете диржать ие скока захатите но я хачу чтобы вы помнили вот что чем дольше вы атнимаите мое Дите уминя тем дольше вы будите гареть в аду и скарее там акажитесь патамушта нас сичас уже окало одной тысичи черных отрядав гатовых Выгги в пахот и хатим прайти черес Глазго и када придем пайдем к Копперхутским пафстанцам и Рабовладельчиским павстанцам патамушта мы не намерины аставлять их там гниздица у пратока но мы думаим всемерна что мы что наши Дети в руках у

вас диавалов мы испытаим вашу доблисть в день када
вайдем в Глазго я хочу чтобы вы панимали китти диггс
что гдебы вы самной не встретились мы с вами враги
я кактараз придлажил вам заплатить сорок долларов
за мое родное Дите но я типерь рад что вы не взяли
Давайте теперь диржите скока сможете тем хуже будит
вам вы никада в жизни до таво как я папал сюда не
дали Детям ничиво ни крошки хотьбы что не даже на
доллер не патратились а типерь вы гаварити мои дети
ваша сопстинасть ну уж нет мои Дети тока мои и я
намерин палучить их и када буду гатов притти за мэри у
миня будит сила и власть увисти ие падальше и ваздать
мщение тем кто ниволит мое Дите тагда вы узнаите
как самной гаварить я пазабочус абэтам и узнаити как
нада гаварить и я типерь хачу чтобы вы падиржали
ие если хочица еесли ваша совисть гаварит эта верная
дарога иди паней и куда она вас приведет китти бриггс
У меня нет страха вызвалить мэри из ваших рук все это
Правительства адобрит миня а вы никуда не денитесь

Спотсвуд Райс

Доброй ночи, заветный мой старик

В декабре 1882 года, находясь в Париже, Уильям Джеймс, «отец американской психологии» и передовой философ, узнал, что и без того слабое здоровье его отца, жившего в семейном доме в Америке, ухудшилось, но он желает, чтобы Уильям пока оставался в Европе, в ожидании дальнейших указаний. Уильям немедленно вернулся в Англию и обнаружил, что его брат, романист Генри Джеймс, уже отплыл из Лондона в Нью-Йорк, где об отце заботилась их сестра. Остро сознавая, что он может не застать отца живым, Уильям написал ему следующее письмо – прекрасное прощание, опоздавшее, к сожалению, на день. Генри зачитал его вслух на могиле отца, которого Уильям больше так и не увидел.

*Уильям Джеймс – Генри Джеймсу-старшему
14 декабря 1882 г.*

Ст. – Болтон

Лондон

14 дек. 1882 г.

МИЛЫЙ МОЙ СТАРИК, – Два письма, одно от моей Элис¹ прошлым вечером, и одно от тети

¹ Элис Гиббенс, жена Уильяма Джеймса. – Здесь и далее прим. пер.

Кейт к Гарри, только что, несколько развеяли тайну о твоём состоянии, порожденную телеграммами; и, хотя их сведения на несколько дней предшествуют телеграммам, я могу предположить, что позднейший отчет указывает лишь на обострение симптомов, описанных в письмах. Гораздо разумнее думать так, нежели подозревать какой-то ужасный неведомый и внезапный недуг.

Мы так давно свыклись с вероятностью лишиться тебя, особенно за последние десять месяцев, что мысль о том, что эта твоя болезнь может оказаться последней, не вызывает такого уж шока. Ты достаточно стар, ты сказал миру все, что должно, и не будешь забыт; здесь ты остался один, а на той стороне, будем надеяться и молиться, тебя ожидает дорогая наша старая матушка. Если ты от нас уйдешь, в этом не будет никакой дисгармонии. Я бы хотел еще раз увидеть тебя напоследок, если только ты еще сохранил ясность сознания. Я остался здесь, только подчиняясь последней телеграмме, и теперь жду, чтобы Гарри – он знает в точности мое умонастроение и будет знать твое – снова телеграфировал мне, что делать. А пока, блаженный мой старик, я царапаю эту строчку (которая может достичь тебя, если я не успею), просто чтобы сказать, как полнится мое сердце все последние дни нежнейшими воспоминаниями и чувствами о тебе. В том таинственном заливе прошлого, в который скоро перейдет настоящее, все удаляясь, ты остаешься для меня центральной фигурой. Вся моя интеллектуальная

жизнь восходит к тебе; и, хотя мы, казалось бы, нечасто находили общий язык, я уверен, что где-то есть место гармонии, где наши противоречия разрешатся. Я обязан тебе столь многим, что не в силах этого постичь, – таким ранним, таким всепроникающим и постоянным было твое влияние. Можешь не переживать о своем литературном наследии. Я прослежу, чтобы оно получило должное отношение и чтобы слова твои не пали жертвой забвения. В Париже я слышал, что Мильсан, чье имя ты можешь помнить по «Revue des Deux Mondes»²

² Выходивший раз в две недели парижский журнал либерального направления. Название дословно означает «Обозрение Старого и Нового света».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.